

— Настоящий великий муж, исполненный мудрости и благородства! Лу Цзыяо, ты заставил меня сгорать от стыда, — медленно кивнув, со вздохом тихо произнес наследный принц, глядя на хрупкого юношу перед собой.

Лу Цзыяо поспешно склонил голову:

— Ваше Высочество преувеличивает.

Сказав это, он оглянулся за спину наследного принца. Императорской гвардии там не было — лишь пятеро лекарей, только что выбравшихся из повозки и спешивших следом.

Лу Цзыяо в замешательстве спросил:

— Вы больше никого не привели?

Наследный принц опустил глаза и с досадой вздохнул:

— Отец-Император разрешил лишь прислать дополнительных врачей, но запретил вмешиваться армии. Я выскользнул из столицы под предлогом забот о зерновых складах, чтобы посмотреть, чем могу помочь.

У Лу Цзыяо от этих слов похолодело внутри.

Так вот почему никогда не нарушавший слова наследный принц заставил себя так долго ждать! Оказывается, Император наотрез отказался отправлять войска и упрямо требовал, чтобы с мором справлялись одни лишь лекари.

— Ничего страшного, — видя стыд на лице наследного принца, Лу Цзыяо оставалось лишь утешить его с горькой ухмылкой. — Сейчас мор по большей части уже удалось сдержать, осталось позаботиться лишь об этих больных. Только вот недавно сбежал еще десяток стражников, людей в карантинной зоне не хватает. Скоро пора давать лекарство, так что мне пора идти отвар варить.

— Варку отваров оставь мне, — улыбаясь, к ним подошел пожилой лекарь, шедший во главе остальных. Закатав рукава, он обратился к Лу Цзыяо: — Молодой господин Лу, не позволите ли старику взглянуть на рецепт?

— Не стоит беспокоить лекаря Сюя, — поспешно попытался остановить его Лу Цзыяо. — Вы ведь совсем не подготовлены...

— Подготовлены, — лекарь Сюй достал из рукава повязку на лицо, надел ее и со смешком ответил Лу Цзыяо: — Всё, что ты присылал, я ношу с собой.

Другой, более молодой лекарь с хмурым видом последовал за лекарем Сюем.

Прежде он не раз осуждал Лу Цзыяо за то, что тот притворялся даосом и морочил голову простолюдинам. Сейчас его щеки слегка вспыхнули от смущения, но он все равно грубовато проворчал:

— Ты все твердил, будто эта долина — благословенное место фэншуй с избытком светлой энергии ян, где ты собирався проводить обряды для изгнания духа мора. Откуда мне было знать, что ты тут отвары варишь и людей лечишь? Не хватает рук — так хоть бы заикнулся! Будто на весь уезд один-единственный врачеватель — ты! А мы, по-твоему, кто? Не люди, что

ли?

Остальные трое лекарей тоже наконец нашли предлог включиться в дело. Они быстро прошли в глубь долины, взялись за ручки телег для перевозки трупов и спросили у Лу Цзыяо:

— Куда везти эти тела для сжигания?

Лу Цзыяо на миг растерялся. Большинство этих врачей с самого приезда в уезд Пинжун косо на него смотрели.

Особенно после того, как он притворился даосом. Лишь старый лекарь, господин Сюй, тайком поддерживал его и помогал разбираться во многих тонкостях теории китайской медицины.

Господину Сюю перевалило за семьдесят, и его пребывание в карантинной зоне было по-настоящему опасным. Лу Цзыяо все же попытался отговорить его:

— Господин Сюй, больных осталось не так уж много, вам лучше вернуться на постоянный двор и подождать меня...

— Ты же сам только что сказал, что людей не хватает. Разве мы, приехавшие лечить, имеем право стоять в стороне? — серьезно произнес господин Сюй. — Кабы мы не хотели приложить свои скромные силы, давно бы ушли вместе с теми лекарями, что сказались больными и уехали. Сражаться за родину — долг воинов, а врачевать и спасать — обязанность нас, лекарей. И если уж рисковать жизнью, то первым в бой должен идти старик. Пока я еще держусь на ногах, не дело подвергать опасности такого праведного и достойного мужа, как ты. Ты уже спас жителей всего уезда, так оставь эти мелкие хлопоты нам. Не гоже нам, старым глупцам, проделать такой путь, ничем не помочь и вернуться в столицу лишь для того, чтобы нам шипели вслед.

Лу Цзыяо немного поколебался, но все же принял помощь лекарей и начал распределять обязанности — кто отвары варит, а кто тела сжигает.

Наследный принц тоже закатал рукава, порываясь помочь, но Лу Цзыяо решительно его остановил.

— Ваше Высочество, вы помните мои просьбы в последних строках письма? — Лу Цзыяо отвел принца в безлюдный уголок и серьезно напомнил: — Ваша безопасность — это всегда дело первостепенной важности. Будь то помощь народу или борьба с мором, лишь у государя всей Поднебесной должно быть стремление сделать это до конца.

Наследный принц не ожидал, что тот осмелится сказать такое прямо в лицо. Он немедленно настороженно огляделся по сторонам и, нахмурившись, предостерег Лу Цзыяо:

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, но о подобном говорить нельзя.

— Простите мне мою дерзость, Ваше Высочество, но одного лишь понимания мало, — Лу Цзыяо с тревогой посмотрел на наследного принца. — Вы должны быть способны так поступить. Великое добро и сыновняя почтительность — оставьте эти подвиги нам. А вы извольте всегда ставить свою безопасность на первое место! Только если вы будете в безопасности, народ Поднебесной станет жить лучше, а ваши братья не подвергнутся притеснениям. Новый закон сталкивается с множеством препятствий, и первопричина — недостаток вашей власти и постоянные помехи со стороны. Я смог помочь вам лишь настолько, разрешив бедствие уезда Пинжун. Если в будущем снова возникнут трудности, лучше приостановите его введение и

терпеливо ждите подходящего часа.

Лу Цзыяо больше не мог сдерживаться: то, что должно быть сказано, требовалось высказать открыто.

В этот раз во время бедствия в уезде Пинжун Лу Цзыяо лишь чудом остался в живых благодаря капле везения.

Положение наследного принца едва удалось сохранить, а через полтора года его ждало новое тяжкое испытание — военный поход. Если принц и тогда будет бездумно рисковать жизнью ради Императора, все усилия Лу Цзыяо пойдут прахом.

Его слова звучали слишком прямолинейно — любая живая душа сходу поняла бы намек: принцу стоит терпеливо дожидаться кончины Императора, прежде чем брать власть в свои руки.

Услышь такое не те уши — и головы не сносить.

Почтительность принца к родителю не была притворной, поэтому лицо его при этих словах потемнело. Но понимая благие намерения Лу Цзыяо, а также помня о его талантах и подвигах ради спасения страны и народа, принц подавил гнев и лишь произнес:

— Я понимаю.

Через полмесяца последние пять больных в карантинной зоне полностью выздоровели. Умывшись колодезной водой с мылом и переодевшись в чистые одежды, они, рыдая от благодарности, пали на колени перед Лу Цзыяо, прощаясь, а затем разошлись по домам.

В карантинной зоне остались только Лу Цзыяо и пятеро лекарей. Стражники у входа сидели у пустующего ущелья и праздно болтали.

Давно уже не было столь безмятежных дней.

На закате первого дня ни одного нового больного не привезли в карантинную зону.

На второй день — тоже.

И на третий — тоже.

Все пятеро лекарей радостно ликовали, но Лу Цзыяо все не мог поверить.

Не мог поверить, что одолел главного убийцу человечества, свирепствовавшего на протяжении веков.

Лу Цзыяо распорядился, чтобы стражники сожгли все бытовые вещи из карантинной зоны, после чего спокойно отправился с лекарями в усадьбу — собирать пожитки и готовиться к возвращению в столицу.

Лекари искренне восхищались выдержкой юноши.

Совершив такой великий подвиг, он ни капли не загордился.

Сам Лу Цзыяо не ведал, что у него на душе. Ему казалось, будто внутри все еще оставалось какое-то беспокойное ожидание, какая-то незавершенная забота.

В день отбытия Лу Цзыяо по приглашению сел в повозку наследного принца. Когда экипаж выехал на главную улицу, он внезапно остановился.

Наследный принц спросил кучера, почему они встали.

Кучер ответил, что впереди дорогу перегородил народ.

Лу Цзыяо, сидевший в повозке в задумчивости, резко поднял голову, откинул полог, спрыгнул на землю и поспешно обогнул карету. В то же мгновение увиденное поразило его до глубины души.

Вся улица была запружена жителями уезда Пинжун. С корзинами яиц, риса и солонины в руках, с покрасневшими от слез глазами они провожали взглядами кортеж, направлявшийся в столицу.

Увидев выходящего из повозки Лу Цзыяо, несмевшие дотолк нарушить тишину горожане вдруг один за другим пали на колени. Сливаясь в нестройный хор, сквозь слезы зазвучали их возгласы: «Не забудем ваше спасение до конца дней!», «Дарует пусть небо Живому Бодхисаттве сто лет жизни!»...

В это мгновение Лу Цзыяо, кажется, понял, чего именно ждал все эти дни.

Он с радостным изумлением смотрел на живой людской поток, уходивший за горизонт.

Всматриваясь в лица — одно за другим, — он видел на щеках и стариков, и детей здоровый, живой румянец.

С каждым взглядом тяжесть и тревога в сердце Лу Цзыяо понемногу отступали, уступая место полному умиротворению.

Наследный принц и лекари один за другим тоже вышли из повозок, с изумлением глядя на бескрайний людской океан.

Из толпы с трудом пробрался крепенький паренек с бамбуковой корзиной в руках. Он подскочил к Лу Цзыяо и стал молить принять скромный подарок от его семьи.

Лу Цзыяо с первого взгляда узнал в нем выздоровевшего пациента из карантина. Всплеснув руками от радости, он слегка щипнул юношу за щеку:

— Ого, не виделась всего полмесяца, а твои щечки заметно округлились! Appetit вернулся?

Парень с глухим стуком бухнулся перед ним на колени, высоко поднял корзину и во весь голос выкрикнул:

— Моя матушка сказала, что такую великую милость нам нечем отплатить! Умоляю, возьмите хотя бы эту солонину!

Лу Цзыяо расплылся в улыбке и поддразнил его:

— Так кто всё-таки хочет меня отблагодарить — ты или твоя матушка?

Паренек опешил от такого вопроса. Немного подумав и вспомнив, как его мать, увидав его выздоровевшим дома, плакала от счастья всю ночь, он решил уступить это право матери:

— А что, благодарить нужно строго по очереди? Тогда пусть матушка первой будет!

— Ха-ха... — разразился смехом Лу Цзяю.

Он смеялся, но у него защипало в глазах.

Все-таки «Живому Бодхисаттве» реветь на глазах у народа совсем не подобало.

<http://bllate.org/book/18379/1767075>